

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Албогачиев М.М. “Галгай” – общий эндоэтноним ингушских обществ XVI-XIX вв.: анализ историографических источников // Genesis: исторические исследования. 2025. № 9. DOI: 10.25136/2409-868X.2025.9.72153 EDN: SHHZCE URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72153

“Галгай” – общий эндоэтноним ингушских обществ XVI-XIX вв.: анализ историографических источников

Албогачиев Магомед Михаилович

ORCID: 0009-0006-3925-1554

независимый исследователь

386001, Россия, республика Ингушетия, г. Магас, пр-т Зязикова, 7, каб. 302

 magomed_albogachiiev77@mail.ru



[Статья из рубрики "Этнография и этнология"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2025.9.72153

EDN:

SHHZCE

Дата направления статьи в редакцию:

31-10-2024

Аннотация: В настоящей статье исследуется вопрос общего эндоэтнонима ингушских обществ XVI-XIX вв. Цель статьи – провести дополнительное исследование историографических источников, для подтверждения мнения об общеингушском характере эндоэтнонима Галгай в XVI-XIX вв., а также анализ причин появления версии о локальном характере данного обозначения. Хронологические рамки исследования обусловлены тем, что, складывание поздних территориальных обществ ингушей исследователями относится к концу XVI – началу XIX вв. Актуальность исследования определяется тем, что, несмотря на имеющиеся работы, в среде современных кавказоведов проблема наличия единого наименования ингушских территориальных групп в рассматриваемый период до сих пор является вопросом открытым и требует дополнительного комплексного и всестороннего его исследования. При изучении данного вопроса в работе использовались историко-генетический, историко-хронологический, нарративный, историко-сравнительный и сопоставительный методы. В ходе исследования автор приходит к выводу, что термин «Галгай» в исследуемый период был общим эндоэтнонимом, по крайней мере, для большей части

ингушских обществ. Однако кекеллинские рода стремились стать единоличными носителями этого общеингушского названия. Это вызвало ответную реакцию части обществ и в конечном итоге им удалось отстоять свое право называться галгаями. Научная новизна определяется постановкой проблемы. Научная новизна обусловлена также тем, что автор представляет свою точку зрения, в определенной степени отличную от видения остальных кавказоведов. Мнение об общеингушском значении этноэтнонима «Галгай», исследователями высказывалось и ранее (Е. Н. Кушева, Е. И. Крупнов и др.). Эти работы, на наш взгляд, не исчерпывают данной темы, а некоторые тезисы уважаемых авторов, могут быть скорректированы и существенно дополнены.

Ключевые слова:

Общее самоназвание, кекеллинцы, Ассиновское ущелье, Галгая, Колкания, колки, глигвы, дзурдзуки, Галгай, Галгайче

Введение.

Ингуши – один из автохтонных народов Кавказа, а их самоназвание *Галгай* в русских источниках впервые упоминается в 1590 г. в форме *калканцы* [1, с. 65; 2, с. 154]. В дальнейшем калканцев называют многие русские документы XVII в., в которых встречаются формы *калканы*, *колканы*, *калки*, *калкасы* [1, с. 62, 66; 2, с. 154–155]. Также в источниках встречаются варианты *калкан*, *калкай* [2, с. 54]. Страна их проживания обозначается как *Калкания*, *Калканная земля*, *Калкасские (Калканские) кабаки* [1, с. 62, 66]. На наш взгляд, термин *калки* // *колканы* является русской передачей самоназвания ингушей *Галгай*, а *колканцы* // *калканцы* означает «жители Колкании // Калкании».

В грузинских источниках XVII в. встречается также формаглигви, «наиболее ранее упоминание которого (в форме глегуды) встречается в письме царя Теймураза, написанного по-гречески и относящемся к 1639 г. [2, с. 158]». Глигвы упоминаются в источниках и в контексте событий времен правления Мириана I (II в. до н.э.) [3, с. 25], а также правителя Кахетии Квирике III (XI в. н.э.) [4, с. 31; 5, с. 128–129; 6, с. 30; 2, с. 158].

По мнению Е. И. Крупнова, название имеет древнее происхождение [6, с. 26]. Автор считает, что в «Армянской географии» ингуши обозначаются как *куст(к)*, а у античных авторов упоминаются под названием *гаргареи* [6, с. 25, 29]. С последними этноним *Галгай* связывают также некоторые других ученые [7, с. 361; 8, с. 222 (прим. 4)]. В то же время, ряд историков считает, что эндоэтноним ингушей одного корня с названием другого древнего народа *гелы* [9, с. 97; 10, с. 30–31; 11, с. 643; 12, с. 489; 13, с. 239]. На наш взгляд, оба мнения в определенной степени верны, т.к. мы считаем, что обозначение *Галгай* в древности покрывало и гелов, и гаргареев. Интересно отметить, что у древних авторов гаргареи (гегары) обитали на смежных территориях между легами, албанцами и амазонками [8, с. 221–222]. С гелами мы связываем – кистов (*куст(к)*) [2, с. 139–140], а с гаргареями – дурдзуков (дзурдзук, дурц(к)) средневековых грузинских и армянских летописей [2, с. 135–138], входившие в группу племен Кавказа, объединенные в труде Л. Мровели общим названием *кавкасы* // *кавкасианы* [14, с. 25, 30]. Впрочем, это тема для специального исследования и научного анализа.

Мнение об общеингушском значении названия *Галгай*, исследователями высказывалось и ранее [1, с. 65, 66; 6, с. 38]. Эти работы, по нашему мнению, не исчерпывают темы общеингушского характера этнонима *Галгай*, а некоторые тезисы уважаемых авторов, могут быть скорректированы и существенно дополнены. Е. И. Крупнов, например, неоднозначно высказывался по данному вопросу. Отмечая справедливость вывода Е. Н. Кушеву о более широком значении названия (*Галгай*) в русских документах второй половины XVI – первой половины XVII вв., в другом месте своего труда автор пишет о том, что оно было перенесено на остальные ингушские общества с течением времени [6, с. 24–25, 36]. В «Истории Ингушетии» вывод Е.Н. Кушевой объясняется начавшимся, возможно, в этот период (XVI-XVII вв) процессом консолидации ингушских обществ вокруг единого центра в лице общества «Галгайче» [15, с. 152]. В то же время, складывание этих обществ авторами данного труда относится к концу XVI – началу XVII в. [15, с. 15].

Н.Г. Волкова в «страну галгаев», помимо Кекелли, включает и Цори [2, с. 168].

Цель настоящей статьи – провести дополнительное исследование историографических источников для подтверждения мнения об общеингушском характере эндоэтнонима *Галгай* среди ингушских обществ в XVI-XIX вв., а также анализ причин появления версии о локальном характере данного обозначения. Хронологические рамки исследования обусловлены тем, что процесс складывания поздних территориальных обществ ингушей, по мнению исследователей, начался в конце XVI – начале XVII в. [16, с. 34, 56; 15, с. 15] и завершился в XIX в. формированием плоскостных обществ [15, с. 255]. Характер этнонима в более ранний период, как отмечалось выше, – тема отдельного исследования.

Вопросы происхождения народов Северного Кавказа, в том числе и ингушей, в настоящее время приобрели особую актуальность. Средневековая история Ингушетии, на наш взгляд, изучена недостаточно глубоко и, несмотря на имеющиеся работы, в среде современных кавказоведов проблема наличия единого наименования ингушских территориальных групп в рассматриваемый период до сих пор остается вопросом открытым [15, с. 16]. Самоназвание народа напрямую связано с этнической идентичностью. Первой ступенью формирования национального самосознания является самоназвание [17, с. 46]. Таким образом, данный вопрос не теряет своей актуальности, пока существует сам народ.

Основными работами, которые использовались для подготовки настоящей статьи, являются: географические и исторические изыскания грузинского историка и географа царевича Вахушти Багратиони, в которых приводятся ценные сведения об ингушах середины XVIII в. и более раннего периода (Вахушти Царевич. География Грузии, 1904. Кн. XIV. Вып. 5. 224 с.; Вахушти Багратиони. История царства Грузинского, 1976. 340 с.); двухтомный труд историка Кавказа начала XIX в. С. М. Броневского (Броневский С. М. Новевые географические и исторические известия о Кавказе..., 1823. Ч. 2. 491 с.; Броневский С. М. Новейший Известия о Кавказе. Т.1-2, 2004. 464 с.), являющийся оригинальным и важным источником по этнографии, географии и истории Кавказа; труд известного грузинского ученого А. И. Шавхелишвили «Из истории взаимоотношений между грузинским и чечено-ингушским народами (С древнейших времен до XV века)» (Шавхелишвили А. И. 1963. 128 с.), который является важным источником по истории взаимоотношений между нахскими и грузинским народами на протяжении многих веков; сборник трудов европейских авторов XIII–XVIII вв., составленный В. М. Аталиковым, в

котором автор составил отдельный раздел нарративных источников, содержащих сведения об ингушах (Кавказ. Европейские дневники... 2010, с. 305); объемный труд ингушских ученых М. Б. Долгиевой, М. М. Картоева, Н. Д. Кодзоева, Т. Х. Матиева (История Ингушетии 2013. 599 с.), в котором рассматриваются основные этапы этнической истории ингушей с древнейших времен до наших дней.

Ценным источниками по устному творчеству ингушей и чеченцев является: сборник «Сказки, сказания и предания чеченцев и ингушей», составленный ингушскими учеными-фольклористами И. А. Дахкильговым и А. О. Мальсаговым (Сказки, сказания 1986, 528 с.), а также труды видного российского ученого кавказоведа Б. К. Далгата, а также У. Б. Далгат, которые посвятили много лет изучению фольклора, обычного права и родового строя народов Дагестана, Чечни и Ингушетии (Далгат Б. К. 1893. С. 41–132; Далгат У. Б. 1972. 469 с.; Далгат Б. К. 2004. 240 с.; Далгат Б. К. 2008. 380 с.).

В ходе исследования были активно использованы материалы и данные из трудов одной из ведущих советских и российских этнографов-кавказоведов Н. Г. Волковой, основанные на анализе статистического материала, информации полевых экспедиций и обобщении разнообразных видов источников (Волкова Н. Г. 1973. 208 с.; 1974. 276 с.; 1977. С. 84–89). Н. Г. Волкова проводит тщательный анализ сведений из преданий нахских народов, из которого следует, что в определенной степени эти признания имеют связь с реальными событиями.

Обстоятельный анализ письменных источников проведен в 1960-х гг. советским историком и кавказоведом Е. Н. Кушевой, по просьбе Чечено-Ингушского института истории, языка и литературы, результаты которого ученым изложил в своем труде «Народы Северного Кавказа и их связи с Россией: вторая половина XVI – 30-е годы XVII в.» (Кушева Е. Н. 1963. 371 с.).

Значение терминов «Галгайче» и «Галгай Мохк».

Как было отмечено выше, вопрос о происхождении ингушского эндоэтнонима до сих пор вызывает дискуссии внутри научного сообщества. Высказывается мнение, что якобы носителями его были только жители Таргимской котловины в Ассиновском ущелье Ингушетии. [2, с. 168; 15, с. 16]. Речь идет о представителях трех селений: Таргим, Эгикал и Хамхи, получившие в науке название «галгаевцы» [15, с. 151]. Из этого складывается впечатления, будто бы термины *Галгай* и *кхакхальлой* являются синонимами.

Особый вклад в такие представления внесла административная политика Российской империи. После окончания Кавказской войны военная администрация Кавказского края была ликвидирована. В 1860 г. из состава Ставропольской губернии выводится вновь образованная Терская область, которая состояла из восьми округов. В их числе был Ингушевский округ, в территориально-административном плане делившийся на четыре участка. Один из них назывался «Горским», в свою очередь, состоявший из пяти обществ: Джераховского, Кистинского, Галгаевского, Акинского и Мереджинского. Галгаевское общество позднее было разделено на Цоринское и Хамхинское общества [18, с. 11]. Однако последнее, состоявшее из трех поселений (Хамхи, Таргим и Эгикал с отселками), продолжало называться «Галгаевским обществом» [19, с. 75], а ее жители – галгаевцами. Следовательно, Галгаевское (Хамхинское) общество – это территориально-административная единица Горского участка Ингушевского округа. Например, Йовли и Оздик входили в Цоринское общество, но эти поселения не были цоринскими в племенном отношении. Однако у неосведомленного обывателя складывается

впечатление, что только представители Галгаевского (Хамхинского) общества являлись галгаями.

Иными словами, *галгаевцы и галгай* (инг. *Галгай*) – это разные понятия, (как разными понятиями являются *народ и племя* [20, с. 59–64]): первое – обозначение жителей Галгаевского общества; второе – общее самоназвание всех ингушских обществ.

С запада, начиная от Дарьяльского ущелья, на восток, в Джейрахском, Ассиновском и частично Аргунском ущельях, существовало несколько ингушских обществ, такие как: *джераховцы, кистинцы, феппинцы* (или *мецхальцы*), *чулхойцы, кекеллинцы* (или *хамхинцы*), *цоринцы, аккинцы, орстхоеевцы*, а к югу от них общества *Мержой и Галай*. К юго-востоку от цоринцев находилось общество малхистинцев [15, с. 16, 21, 47, 192–193; 6. 36–37; 1, с. 64–65; 16, с. 34, 56]. Мелхистинцы, как пишет Е. Вертепов, к концу XIX в. причислялись собственно к чеченцам [19, с. 76].

Термин *Галгая // Галгай*, встречающийся в научной литературе как обозначение страны галгаев [21, с. 97; 22, с. 84; 23, с. 13–56], имел, по всей видимости, узкое и широкое значение: в узком значении – это территория Ассиновского ущелья, называемая у ингушей *Галгайче*, (чеч. *Галгайчоь*); в широком – вся территория расселения ингушских (галгайских) обществ [1, с. 65]. Кстати, в некоторых источниках встречается выражение «галгаевские общества» [24, с. 374; 25, с. 48]. В таком же значении использовались названия «Колканская земля, Калкания» и т.д., в русских статейных списках XVI–XVII вв. [1, с. 62–67].

Термин *Галгайче* (в *Галгай че*) имеет смысловое значение «внутренний (серединный) округ галгаев», то есть «центральный округ». По разъяснению знатока ингушского языка и быта Н. Г. Ахриева, в буквальном переводе, это – «внутренность» или «брюхо Ингушетии» [6, с. 26]. Между прочем, это единственное вайнахское общество, в названии области исторического проживания которого использовался суффикс **-че**. Связано это, видимо, с тем, что в средневековый период здесь находился главный центр Галгай, вследствие чего, Галгайче занимала центральное место по значению и местоположению [1, с. 65].

Действительно, в Галгайче находились главные храмы средневековых вайнахов, а также этот район являлся одним из их политических и религиозных центров. Как пишет У. Б. Далгат, «горные ингуши восточной половины (галгаевцы, хамхинцы, цоринцы и аккинцы) имели одно общее место для поклонения Тушоли возле селения Карт Хамхинского общества...» [26, с. 132]. Так как религия в жизни народа играла и по настоящее время играет важнейшую роль, то постепенно округ приобрел и статус политического центра. В состав него входили такие крупные галгайские поселения, как *Йовли, Оздик, Таргим, Эгикал, Хамхи* и др. [19, с. 75]. Последние три поселения, располагавшиеся на важном транспортном узле, объединились в *Кекелли* (инг. *Къыхъалле*), что означает – «Троеградье» (инг. *кхъалл* – «поселение, город») [27, с. 238, 247]. В источниках встречаются формы *кхокхъаллой* [2, с. 168], *кхъакхалой* [15, с. 16], *кхъахале* [16, с. 56] и т.д.

А. И. Шавхелишвили называет Галгайче «Центральной Дзурдзукетией» [28, с. 25]. «Думается также, – пишет Е. И. Крупнов, – что не случайно термин *галагай* связан органически с древнейшим культурным очагом Ингушетии в верховьях р. Ассы, называемым *Галай-чуэ*. Именно эта центральная территория Галгай в работе Вахушки

Багратиони обозначена как *Глигвети* [29, с. 151].

Вместе с тем, вся их страна Галгая у ингушей называлась *Галгай Можк*. Например, в нартском сказании «Любимая Альбика», говорится о том, что Сеска-Солса был главой Галгай Можка, а не Галгайче, о чем свидетельствует то факт, что речь в сказании шла также о территории Джейраховского и Дарьяльского ущелий [30, с. 161; 31, с. 266]. Эти ущелья ни в одном источнике не называются *Галгайче*, но как мы видим, получали название *Галгай Можк*. Вахушки хоть и не дает этой стране одного общего названия, но из контекста описания видно, что Кистия (Феппия), Дзурдзукия (Охкари) и Глигвия (Галгайче) – области одной страны.

Чтобы различать между собой жителей (или выходцев из) Ассиновского ущелья (Галгайче) от остальных галгаев, мы в своей работе хотим использовать: для обозначения первых – термин *галгаевцы* (или *галгайчинцы*); а как общее название для всех галгайских обществ – термин *галгай*.

Первые среди равных.

В средневековый период организация общественной жизни существенно отличалась от современной. Народ делился на различные племена, каждый из которых со временем начинал осознавать себя независимым образованием. В тоже время, возникали такие ситуации, когда внешняя угроза заставляла эти родственные племена скооперироваться. Вследствие этого возникали родоплеменные или территориальные союзы. Такие союзы позволяли малочисленным племенам выжить и противостоять захватническим действиям более крупных народов. Они избирали стратегически важное место как центр страны. В таких ситуациях, правящая элита (избираемая – в демократическом, наследственная – в феодальном) со временем начинает дистанцироваться от остальной части народа или относя себя к другому этносу, или не признавая общность с представителями провинциальных родов из своего народа. Последняя ситуация, по нашему мнению, была у средневековых галгаев. Галгайче стала центральным округом, вокруг которого группировались остальные галгайские общества, а Кекелли – столицей. Центральное положение давало его жителям более высокий социальный статус и привилегированное положение по отношению к остальным обществам, как отметил в своей работе Б.К. Далгат [32, с. 102–103]. То есть ‘надменное’ поведение кекеллинцев в тот период по отношению к «провинциальным» обществам, связано не с сословными различиями, а со столичным статусом их поселений.

Похожую ситуацию мы наблюдаем в современных демократических странах, где столица и столичный округ являются сосредоточением политической (и не только) жизни страны. Это приводит к тому, что ее жители начинают немного возвышать себя над остальными жителями страны. Например, москвичи и петербуржцы, а также жители Московской и Ленинградской областей, даже сегодня к людям из провинций порой относятся как к имеющим более низкий относительно себя социальный статус. Как отметила Н. Г. Волкова, «в этом разделении сказывались различия не только территориальные, но и, видимо, социального порядка, хотя этноязыковых отличий в настоящее время между этими группами не наблюдается» [2, с. 169]. На самом деле, это признак демократического (вольного) общества. «Любая масса нуждается в управлении... Эту роль выполняют элитные группы, которые являются центрами влияния и основой формирования демократической культуры» [33, с. 22]. Несмотря на привилегированное положение кекеллинцев, все ингуши считались одинаково равными и свободными [32, с. 102–103]. Несмотря на все попытки поднять статус, кекеллинцы были среди галгайских

обществ «первые среди равных». Они представляли страну в сношениях с внешним миром.

Общеингушский характер этнонима *гIалгIай*.

Не только кекелинцы, но и большинство ингушских обществ, считали себя галгаями. Иначе зачем последние выделяли себя из среды этих обществ обозначением *кхарьхальлой*, если они уже выделились как *гIалгIай*? Объективных причин для этого нет. О том, что *гIалгIай* и *кхарьхальлой* не равнозначные названия наглядно показано в предании «Эги, Эбан и его сыновья», где происходит четкое разделение галгаев и кекеллинцев [\[31, с. 335–337\]](#).

К. Коха не без оснований считал, что галгаевцы сохранили древнее общее название ингушей и чеченцев [\[12, с. 489\]](#). Ответвления этого предкового народа, видимо, стали называть себя иными названиями. Вот почему, по объяснению самих ингушей, галгаевцы были «настоящими ингушами» [\[2, с. 168\]](#). Одна группа этих ответвлений продолжала помнить о своем происхождении и относить себя к галгайскому народу, а другая – стала воспринимать себя отдельно от галгаев. Например, от фамилии Албогачиевых отделилась ветка Оскановых. В узком смысле называясь *Оска-наькъан*, в тоже время, они признают себя частью рода Албогачиевых в широком смысле. Вот почему галгаевец не называл себя *фальпле*, тогда как *фальпле* мог назвать себя *гIалгIа* [\[2, с. 169\]](#), так же как представитель рода Албогачиевых не назовет себя Оскановым, в то время как Осканов мог назвать себя Албогачиевым или признать свое происхождение от этого рода. Есть и такие представители Оскановых, которые себя считают отдельным от Албогачиевых родом, как есть рода, не признающие свое происхождение от галгайского корня.

Иными словами галгаевцы сохранили одно из древних общих самоназваний предков нахских народов. В дальнейшем кекеллинцы попытались «приватизировать» это название, отказывая в праве на него как общего обозначения другим ингушским «провинциальным» поселениям и округам. Последние, в свою очередь, противостояли этим попыткам и боролись за свое право называться галгаями. Следствием этой борьбы, по нашему мнению, стало «собрание страны», о котором говорится в народном предании. Согласно ему, некогда именитые мужчины феппинцев, чулхоевцев, галгаевцев и цоринцев собрались у «Места трех крестов». Все они с сожалением говорили, что каждый шахар стремится жить обособленно, и нет между ними согласия [\[31, с. 322–323\]](#). Собрание вряд ли было следствием большого желания самих кекеллинцев признать право представителей других ингушских обществ называться галгаями. По крайней мере, в истории случаи добровольного отказа политической элиты от своего привилегированного положения нам не известны. Народу приходилось добиваться своих прав политической или вооруженной борьбой. Одной из причин, что столичники шли на уступки восставшим – потребность в их помощи в противостоянии с внешними врагами и освоении новых территорий. В предании о «Месте трех крестов» действительно говорится об уступках галгаевцев, связанных с их стремлением колонизировать плоскостные земли. Понимая, что своими силами не справляются с кабардинскими и кумыкскими феодалами, властвовавшими в то время на плоскости, галгаевцы признают право остальных ингушских обществ на название *галгай*. Это видно, например, из выступления на собрании представителя галгаевцев [\[31, с. 322–323\]](#). Обращает на себя внимание, что в предании говорится о собрании «страны», а не «стран», подчеркивая при этом факт ее деления по территориально-племенному признаку. По сути то же самое

писал грузинский географ Вахушти Багратиони в 1745 г.: «Все эти ущелья, описанные нами, вначале составляли Дзурдзукетию, ныне же разделяются так» [29, с. 152]. Следовательно, разобщенная страна, о которой говорит в своем выступлении представитель галгаевцев – это и есть Дзурдзукетия (по-ингушски *Галгай Можк*). А Глигвети (по-ингушски *Галгайче*) – центр Дзурдзукетии («Центральная Дзурдзукетия», по терминологии А. И. Шавхелишвили). В данном случае грузинский термин дзурдзукети и ингушский эндоэтноним *Галгай* выступают как синонимы. Е.И. Крупнов также считал, что термины *глигви* и *дзурдзукети* звучали как синонимы, а иногда и как часть целого, и покрывали все чечено-ингушские общества [7, с. 34]. И тот факт, что на собрании представители других шахаров этой страны отстаивали право называться галгаями, говорит нам о том, что они считали себя частью единого галгайского народа. Примечательно, что это те же самые общества, которых Вахушти Багратиони делит на кистов, дзурдзуков и глигвов. И они, согласно преданию, оспаривали свое право называться галгаями.

Наименование *Дурдзукети* в ранних грузинских источниках превалировало над остальными названиями, видимо, не только по причине более тесных контактов между грузинами и дзурдзуками, но и по причине того, что в этот период истории последние численно превосходили остальные нахоязычные племена. Это подтверждается и тем, что Л. Мровели называет Дурдзука (эпонимного предка дзурдзуков) «самым знаменитым среди сынов Кавказа» [14, с. 25]. Интересно, что немецкий исследователь Ю. Г. Клапрот в своей работе, в разделе «Мизджецкие языки», отмечал: «У грузин собственно называются, с очень древних времен, верхние местности реки Кумбалей, где живут ингуши, *Дзурдзукети* и должно быть получили свое имя от *Дзурдзукоса*» [34, с. 288]. Это согласуется с тем, что ущелья к востоку от Хеви (ущелье р. Терек), согласно Вахушти Багратиони, назывались *Дзурдзукетией*, а ущелья к западу от Хеви занимали другие кавкасианы, которые повиновались дзурдзукам [29, с. 152].

Е. Н. Кушева отмечает, что кистинское общество в русских источниках XVI-XVII вв. не встречается. Возможно, это было связано с тем, что у грузин (посредством которых русские посольства в Грузию получали информацию о племенах Центрального Кавказа) к тому времени этот термин использовался в качестве общего названия для всех горных вайнахских обществ. Возможно, в поздний период грузины больше контактировали с кистами, жившими в Дарьяльском и Джейрахском ущельях, вследствие чего распространили их название на все ингушские и горные чеченские этнические группы.

В древнегрузинских источниках упоминаются Панчуа-Дзурдзукские двери. А. И. Шавхелишвили отмечает: «Название Панчуа-Дзурдзукские двери следует отождествить с Ассиновским ущельем и потому, что ни к востоку, ни к западу от Дарьяльского ущелья больше таких «дверей» нет. «Панчуа» надо полагать есть Паншети» [28, с. 23]. Далее автор отмечает, что «из Центральной Дзурдзукетии (ныне Ассиновское ущелье) шла единственная дорога в Кахетию» [28, с. 25]. А. Н. Генко также считал, что эти «двери» находились в Ассиновском ущелье [35, с. 712]. Все это свидетельствует о том, что и Ассиновское ущелье у грузин считалось не просто частью Дзурдзукии, а ее центральной областью.

Особое внимание привлекают важные слова в сообщении Вахушти Багратиони: «вновь разделилась» [29, с. 137]. Из этого следует, что Дзурдзукия и ранее делилась, возможно, на Дзурдзукию, Кистию и Глигвию. Причем говорится об этом в контексте событий III в. до н. э., когда правил первый царь Картли Фарнаваз. Поэтому не удивительно, что в

грузинских источниках глигвы упоминаются в контексте событий II в. до н.э. [3, с. 25] и XI в. н.э. [5, с. 128–129; 6, с. 30]. О существовании в те времена этнонима *Галгай*, говорят и народные предания грузинских горцев [36, с. 33–34].

Исходя из вышеприведенных данных, логично считать, что Глигвети, Дзурдзукети и Кистети были областями одной страны, которая в грузинских источниках XVII-XVIII вв. называется *Кистети*, а ее жители – *кистами* [1, с. 67]. В тех же источниках более раннего периода она называется *Дурдзукети*, а ее жители – *дурдзуками* [14, с. 25; 15, с. 150]. В русских источниках XVI-XVII вв. эта страна именуется *Колканией* // *Калканией*, а ее жители – *колками* // *калканцами* [1, с. 67; 15, с. 150].

Иными словами, *кисты*, *дзурдзуки* и *глигви* являются древними этнонимами, а носители их были частями одного этноса, который по каким-то причинам, то разделялся, то вновь объединялся. При этом глигви, как уже отмечалось, это те же кисты и дзурдзуки, жившие в центральном округе страны – Галгайче.

Эпонимный предок Галга.

Примечательно, что согласно популярному чеченскому преданию, «настоящими нохчий» (нохчий – самоназвание чеченцев), считаются только те рода, которые производят себя от галгаевца по имени Турпал Нахчо (эпонимный предок чеченцев), и обозначенные здесь как «почетнейшие нахчууоские фамилии» и «сословием узденей», т. е. дворян [37, с. 138–139]. Б.К. Далгат пишет по этому поводу: «Чем ближе и непосредственнее родство с этим основателем народа – Нахчо, тем эти фамилии больше гордятся» [32, с. 61].

Вообще, в народных преданиях устойчиво фиксируется представление о том, что именно галгай (или их эпонимный предок) стоят у истоков нахских народов. Например, согласно И. Попову, карабулаки и назрановцы в Ингушевском округе, считали себя потомками Галгаша [38, с. 12 (прим.)]. У. Б. Далгат пишет, что цоринцы, по народным преданиям ингушей, произошли от выходцев из Датиха, Галгаевского общества [39, с. 43]. Датих (совр. с. Датых, Сунженского р-на Ингушетии) относится к Галгаевскому обществу. В этой связи интересно, что к северу от Ассиновского ущелья, примерно в 5 километрах от с. Датых, сохранилась крепость в ущелье Эги-Чоч, которая представляет собой единый ансамбль с боевыми и желтыми башнями. Все башни в форме усеченной пирамиды с дверью. Архитектура башен Эги-Чоч и Ассиновского ущелья почти одинакова [28, с. 24]. А. И. Шавхелишвили указывает на важную особенность устройства обороны в этом башенном комплексе: «Башни были устроены с таким расчетом, чтобы с них главным образом могли вести оборону против наступающих с врага с севера. Это свидетельствует о том, что население упомянутых мест чаще всего ожидало нападение врагов именно с севера... Все это указывает на важность дорог, проходивших по Ассиновскому и Дарьальскому ущельям» [28, с. 24].

Обращает на себя внимание также схожесть термина Эги-Чоч с названием поселения Эгикал в Галгайче. Эги-Чоч с ингушского языка переводится как «ущелье Эги», а Эгикал – «поселение Эги». Возможно, Эги-Чоч был частью передовой оборонительной линии по пути в Галгайче, то есть в «Центральную Дзурдзукетию», по терминологии А. И. Шавхелишвили.

П. И. Головинский во второй половине XIX в., писал: «Третья группа состоит из Главного общества, Галгай, и образовавшихся из него следующих мелких: 1) малхисты или кисты

(Пшаво-хевсуры называют всех горных чеченцев (термин чеченцы здесь используется в широком смысле – прим. М.А.) одним общим именем киску или кисты); 2) Цоринцы; 3) Джехари; 4) Гамаши; 5) Галаши и 6) Мереджой» [\[40, с. 244; 32, с. 64\]](#).

«Можно лишь сказать, – пишет Ф. И. Горепекин, – что по собранным преданиям о происхождении чечено-ингушских родов, большинство из них указывают как древнейшее местообитание горные местности Акко, Галгай, Нашах, откуда и произошли потомки ингушей и чеченцев. Из Нашах в Галгай и Акко по преданиям переселенцев не указывается, а из Галгай в Нашаха в территорию Чечни есть указания почти в каждом предании. Таким образом, Галгай, следует признать древнейшим этапным пунктом, с которого произошло расселение по нынешней Чечне...» [\[23, с. 20\]](#). Говоря о расселении из Галгай на территорию Чечни, Ф. И. Горепекин, по всей видимости, термин Галгая употребляет в широком смысле. В этом же смысле и Н. В. Яковлев пишет о миграции ингушских племен из Аргунского, Ассиновского и Джейрахского ущелий [\[41, с. 197–198\]](#).

Отметим, что в народном предании также говорится о расселении нахских обществ с территории Галгай: «Галгайцы были первыми поселенцами гор. Размножившись, вследствие недостатка земли они переселились частью в Акки» [\[32, с. 64\]](#). Видимо, имеются в виду горы, где обосновались предки вайнахов, после переселении их с территории современной Грузии.

В другом предании конкретизируется местность первоначального поселения: «По рассказам сказителя Ганыжа, некогда жили три брата: Га, Оршто (Аршто) и Нахчо, от которых произошли все галгайцы, орстхойцы и нохчи. В представлении ингушей указанные три брата прибыли в горы с востока и поселились в месте Галга – и отсюда уже расселялись по всей чеченской и ингушской земле» [\[39, с. 42–43\]](#). По всей видимости, в предании речь идет о той части вайнахов, которая переселилась с территории современной Грузии (из Тушетии) через Аргунское ущелье. Для ингушей Джейрахского ущелья (где жил сказитель Ганыж) Аргунское ущелье – это восток. И в понимании сказителя, вся территория занятая этими первопоселенцами и откуда они позже расселились в другие районы, называлась Галга.

Согласно ингушским преданиям, этнархом галгаев является человек по имени Га (инг. Га) [\[37, с. 134–135\]](#). В предании «Потомство Турпала» Га, Нахчо и Арстхо являются потомками этнарха по имени Турпал (переводится как «богатырь»). Га назван старшим братом, а Арстхо самым младшим. У Га родился сын Галга [31. с. 314–315] (здесь эпонимный предок галгаевцев). В чеченских преданиях эпонимный предок чеченцев Турпал Нахчо, о котором мы писали выше, назван галгаевцем [\[37, с. 138–139\]](#). Считается, что Турпал это не имя, а эпитет означающий «богатырь». Однако имя Турпал среди ингушей и чеченцев имело широкое распространение. Поэтому вполне возможно, что Турпал Нохчо означает «Нохчо сын Турпала». А как эпитет этот термин использовался в отношении его отца (эпонимного предка).

Здесь отметим, что Н. Ф. Яковлевым также приводит предание о происхождении ингушей от некоего Турпала, который пришел в горы Ингушетии из Аравии [\[42, с. 39–41\]](#). По другим данным, предок ингушей пришел из Сирии [\[43, с. 35\]](#). Еще в одном источнике называется имя этого предка: «Ингушское предание говорит о том, что родоначальник Ингушского народа, некий Галга прибыл из Сирии в Кавказские горы, ущелье реки Ассы, построил многобашенный аул Уги-Кал» [\[44, с. 49\]](#). Напрашивается вывод, что это тот же самый Турпал Али из чеченских преданий. И тот факт, что в чеченском предании Али

связывается с галгаями (потомками Га), а этнарх Турпал Нохчо назван галгаевцем, косвенно подтверждает такой вывод.

Имя Али мусульманское и заимствовано после принятия вайнахами ислама. Следовательно, имя их эпонимного предка было другим. Судя по вышеприведенным данным, это Га или Галга. Га действительно назван этнархом всех вайнахов [31, с. 315-316; 26, с. 21]. То есть эпонимный предок галгаев назван общим предком для вайнахов.

По нашему мнению, Га есть тот самый «общий предок», который получил эпитет *Турпал* (богатырь). Видимо, после принятия ислама чеченцами, имя Га было заменено на мусульманское Али – так звали двоюродного брата и зятя пророка Мухаммада (салаллаһу 'алейһи ва салам), его ближайший сподвижник и IV Праведный халиф. Примечательно, что чеченцы и ингуши его так же считают богатырем и есть много рассказов о его храбости и доблести. Поэтому к его имени часто присоединяется эпитет *Турпал*.

Согласно одному из народных преданий, чеченцы происходят от «бацоев», т.е. бацбийцев [40, с. 241-242]. При этом сами бацбийцы связывают свое происхождение с галгаями (такого же мнения и окружающие их народы). [45, с. 153-156].

Все это согласуется с преданием о расселении предков нахских народов из Галгай и подтверждает мнение Ф. И. Горепекина о Галгае, как о древнейшем этапном пункте, с которого произошло расселение вайнахов (или их значительной части).

О том, что жители Дарьяльского и Джейрахского ущелий также назывались галгаями, подтверждается сведениями из ингушской героико-эпической песни «Махкинан». Главный герой Чербыж назван здесь гулетцем, т.е. жителем Дарьяльского ущелья. Гулетцы проживали в этом ущелье и вместе с другими галгаями, контролировали этот проход. Чербыж прямо называет себя галгаем: «Как мое имя – ты уже слышал. А кто я – скажу, не таясь: Галгай я чистейший» [46, с. 2]. Ссылаясь на это приданье, Н. Г. Волкова пишет: «Другой, более детальный вариант этого же предания опубликован в 90-х годах в газете «Кавказ». В этой легенде предком гвинетцев также назван Черебыш, изгнанный с плоскости кабардинским князем и поселившийся «в горах предгалгайских», у речки Джейрах-Айрмэхи» [45, с. 156-157].

Б. К. Далгат приводит два варианта предания о происхождении джейраховцев, согласно одному из которых, родоначальником этого общества назван галгаевец по имени *Леван* [32, с. 63]. Автор также отмечает, что жители джейраховских сел Терш, Эрзи, Фалхан, Кербишты (сравните с аккинскими селениями *Волга(н)* и *Кербите* в верховьях р. Гехи), Обын являются галгаями [32, с. 68]. По данным ДНК-исследований, выходцы из этих сел, в основном, принадлежат к кисто-дзурдзукской подветви большой вайнахской ветви [47, с. 179-180]. Эти предания Б. К. Далгат записал со слов столетнего сказителя Газбыка Хабиева, жителя селения Арзи, и другого знатока ингушского фольклора – вышеупомянутого 60-летнего Ганыжа Келигова, жителя селения Фалхан. Оба являются орцхо-феппинцами, а не кекелинцами. При этом и себя, и своих предков считали галгаями.

Таким образом, на сегодняшний день существует три нахских народа: ингуши, чеченцы и бацбийцы. Все они, согласно вышеприведенным преданиям (и как показано в этой статье), связывают свое происхождение с галгаями. Это говорит о древности происхождения термина *Галгай* в сознании представителей этих народов (вряд ли они

связывали бы свое происхождение с племенем позднего образования).

Колкания.

Е. Н. Кушева приводит интересный документ конца XVI в., где говорится о нападении калканцев на русские посольства в Дарьяльском ущелье [\[1, с. 65\]](#). То есть нападавшие названы ни ереханами (джейраховцами), ни кистами (феппинцами), ни дзурдзуками, а калканцами (т.е. галгаями). А ведь именно кистов и дзурдзуков помещал в этом районе Вахушки Багратиони, при этом глигвов локализуя к востоку от них в Асиновском ущелье.

В 1604 г. на русских послов, проезжавших через Дарьяльское ущелье, «в ночи приходили горские люди с вогненным боем... Приехавшие на встречу послам для обереганья сонские люди – люди Эристава Арагвийского – сказывали, что те же люди приходили из гор Калканских» [\[1, с. 65-66\]](#).

Где находились эти «Калканские горы»? Об этом есть сведения в другом документе: «Путь через Дарьял и Ассиновское ущелье имел ввиду атаман гребенских казаков Яков Гусевский, сообщавший в 1614 г., терским воеводам разнесшийся слух о том, что «Кизыльбашский Абаз шах идет войною на них, на кабардинских черкес, «великою» ратью прямою дорогою через Калканские кабаки.» [\[1, с. 66\]](#). Следовательно, и «калканские кабаки» были в обоих ущельях.

В подтверждение такого вывода укажем еще на одно сообщение: «В 1637 г. посол кахетинского царя Теймураза митрополит Никифор просил в Москве ускорить его отъезд, «потому что время давно есть и уж проходит, чтоб в Калкании не заперлася дорога, и да невозможно будет проехать, а та дорога мне за обычай» [\[11, с. 66\]](#). Естественно, речь идет не об Ассиновском ущелье, а о Дарьяльском, через которое и ездили русские послы в Грузию, и которое сегодня также часто закрывается из-за погодных условий.

Видимо, в Дарьяльском ущелье у галгаев были пограничные заставы. Ф. И. Горепекин писал, что «в горах Галгая народ издревле имел укрепленные поселения, распространяясь в нынешнюю Хевсурию и Тушетию. По ущельям же р. Терека и Ассы имели стены «Галгай Коажке» и сторожевые башни, замыкающие проходы, остатки каковые видны и доселе» [\[32, с. 13-56\]](#).

Примечательно, что одна из вершин Казбекско-Гимарайского горного массива еще в первой половине XX в. носила название Колхай-хох // Колкай-Хох. (осет. Хъолхъай-хох) [\[48, с. 52, 55; 49, с. 38-39, 41\]](#). В этом же районе находится знаменитый ледник Колка (осет. Хъолхъа) [\[48, с. 58; 49, с. 44\]](#). Хъолхъа(й), по нашему мнению, это осетинское (диалектное) название галгаев. В современном осетинском языке ингуши называются хъулгъа и маехъаелон [\[50, с. 195; 51, с. 667, 800\]](#). Последним именем их называли также кабардинцы. Причем не всех ингушей, а кистов-феппинцев [\[52, л. 858-860\]](#). Гюльденштедт, например, сообщает, что округ Ваппи осетины называют «Макарл» [\[53, с. 241\]](#), то есть Макал.

Следовательно, если осетины горный массив на территории, где жили джейраховцы и феппинцы, называли галгайским, то логический вывод из этого – второе название хъолхъа // хъулгъа покрывало все ингушские племена.

Бацбийцы – галгай.

Весомым аргументом в пользу общеингушского характера эндоэтнонима галгай являются этнографические данные о происхождении бацбийцев // цова-тушинцев (бац. бацби,

ед.ч. – бацав; инг. бацой) – небольшой нахоязычный народ в Восточной Грузии (Тушетии). Согласно преданиям, записанным Н. Г. Волковой во время полевых экспедиций со слов самих тушин и их соседей, предки бацбийцев пришли из местности *Ваби* (*Валпи*) в стране Гилга: «Сейчас цовцы часть тушин, но они пришли с другой стороны, с запада, из страны Гилга. Когда шах Аббас хотел всех сделать мусульманами, то галга переселились в горы Грузии» [22, с. 84]. Примечательно, что местность *Ваби* (т. е. Джейрахское ущелье), согласно преданию, находится в «стране Гилга», а сами переселенцы названы *галга*. Следовательно, для тушин эта территория являлась частью Галгай, а переселенцы – галгаями.

Выходцами из Галгай бацбийцев, как пишет Н. Г. Волкова, считали и чеченцы-кистинцы, живущие в Грузии [22, с. 84]. Автор также приводит ингушский вариант этих преданий, где говорится, что бацбийцы выселились из Джейрахского ущелья по причине засухи и малоземелья: «Бацай – это ингуши, фаппий. В нашей стране было малоземелье и засуха, и часть фаппий ушли в Грузию. Прежде они жили в сел. Эрзи. Среди этих переселенцев было много из фамилии Дзауровых» [45, с. 153]. Эта версия выглядит более правдоподобной, т. к. поход шаха Аббаса происходил в начале XVII в., а бацбийцы в Тушетии были известны, по крайней мере, уже в XVI в. [54, с. 128].

Б. К. Далгат в 1892 г. записал вариант этого предания от столетнего старика Казбыка: «В древнейшем из селений Мецхальского общества, Арзи, по преданию жили две фамилии ингушей. Вследствие ряда неурожаев одна фамилия решила переселиться к христианам Бацой за Галгаем. Когда эта Фамилия начала подыматься в горы, у одной девушки закружила голова... После этого чуда половина фамилии вернулась обратно и поселилась в Арзи...» [21, с. 97]. Согласно другому преданию, записанному А. Н. Генко в 1926 г. со слов старика С. Алдаганова, эта фамилия Зауровых в селе Ангушт (ныне с.п. Тарское) [35, с. 697].

О том, что переселенцы были из Галгай писал в 1877 г. военный историк Кавказа и мемуарист А. Л. Зиссермана [55, с. 236]. Н. Г. Волкова, комментируя слова А. Л. Зиссермана о цовских и пирикительских тушинах как о выходцах из Галгай, пишет: «Так, в имени Дамахрай ясно угадывается чеченское *мохк* – земля, страна, а наименование общества цовцев Вадуа вполне сопоставимо с именем Вабуа (*Валпуа*), названием области ингушей-ваппий (фаппий), т. е. Мецхальского общества. Представление о Воби (*Ваби*) как о своей прародине до сих пор сохраняется среди бацбийцев. Кроме того, Воби – это также цова-тушинское название местности Цовата... Окружающее бацбийцев тушинское население считает их переселенцами из Галгая» [45, с. 153].

Что касается бацбийского языка, то Е. И. Крупнов, ссылаясь на Н. Я. Марра, называет его «галгайским» [6, с. 39-57]. Известный советский этнограф С.И. Макалатия отмечает, что «цова-тушины говорят на цовском языке, который по происхождению галгайский и родствен кистинскому» [56, с. 109]. И. Цискаров, который сам был тушинцем, отмечал: «Тушины Цовского общества происходят от кистинского племени Гилго. Это доказывает сходство их языков и преданий, живо сохранившихся памяти народа» [57, с. 197]. Р.Д. Эристов писал, что «Цовское общество, есть племя Кистинское, самобытное, Галгайского происхождения, не утратившее еще природного коренного своего языка. Оно в древние времена обитало в ущелье Глигвы» [58, с. 80-81]. Автор называет цовцев галгаями, а их страну Глигви, хотя они происходят из того района, которую за сто лет до этого Вахушти Багратиони называл «Кисто-Дзурдзукией». И это еще один аргумент в пользу мнения, что

вся территория Глигви-Кисто-Дзурдзукети, которая в русских источниках XVI-XVII вв. называется «Колканией // Калканией», была одной страной – *Галгай Мок* При этом Вахушти термин *Глигвети* использует в узком смысле, т.е. как обозначение *Галгайче*.

Как часто бывает, переселенцы новое место поселения называют именем своей бывшей родины. В связи с этим интересно отметить, что И. Гюльденштедтом возле Тушетии указывает округ *Кулга*: «Округ *Кулга*, или *Данти*, находится в горах возле округа *Туши*» [59, с. 239]. По нашему мнению, его образовали как раз те самые переселенцы из Галгай – бацбийцы. С тех пор тушинцы стали делиться на нахоязычных цова-тушинцы и грузиноязычных чагма-тушинцы. Видимо, когда писал И. А. Гюльденштедт, эти две группы тушинцев еще жили раздельно, но на смежных территориях.

Интересно, что в обозначении цовцев И. А. Гюльденштедт приводит самоназвание ингушей с корневым гласным *у*, т.е. как *Кулга*. В аварских источниках XV вв. встречается форма этого этнонима *гъулгъа* [60, с. 148]. В русских источниках XVI-XVII вв. мы также встречаем два варианта названия *Галгай*: с корневым гласным *о* – колканы, и корневым гласным *а*: *калканы*, *калкасы* и т.д. [1, с. 62, 66]. Как мы уже писали, в осетинском языке самоназвание ингушей произносится с корневым кратким гласным *у* (*о*). Западные ингушские общества (феппинцы и джейраховцы) граничили с осетинами и были в тесных с ними отношениях. Это приводит нас к мнению о заимствовании последними этнонима *Галгай* из говоров этих обществ. Т. е. осетинское *хъолхъа* // *хъулгъа* происходит от кистинского (феппинского) произношения названия *Галгай*. Как, например, ассиновские галгай произносили самоназвание западных кистов как *фальпий* (< *фаппий*), вместо *валпий* // *вобой*. Иными словами, мы считаем, что *Галгай* – это глигво-дзурдзукский вариант самоназвания ингушей, а *холгай* // *хулгай* – кистинский вариант. И тот факт, что И.А. Гюльденштедт приводит кистинский вариантом названия *Галгай*, говорит в пользу того, что в округе *Кулга* жили предки бацбийцев, переселившиеся из Джейрахского ущелья.

«Округ Дганти» – это название грузинского селения Чантио. «После ухода бацбийцев в Цовата, – пишет Н. Г. Волкова, – они долгое время хоронили в Чонтио, т.е. в первоначальном месте своего поселения в Тушетии» [45, с. 154]. Иными словами, галгай-цовцы первоначально обосновались рядом с грузинским Чантио. Поэтому Гюльденштедт называет этот округ двумя названиями – *Кулга* (*Галга*) и *Дганти* (*Чантио*).

Отметим, что С. М. Броневский также упоминает кулга-бацбийцев, но в одном месте называет их по-грузински *глигвы*: «Глигвы, небольшое колено, кажется, принадлежит к горным чеченцам. Но есть ли справедливо, как говорят, что речка Глигва впадает в вершины Алазани, то сии глигвы должны находиться по ту сторону снежного хребта на полуденном скате» [61, с. 170]. Возможно, С. М. Броневскому один из грузинских информаторов сообщил ему о живших в верховьях Алазани глигвах-бацбийцах, а из других источников он имел сведения о галгаях в Ассиновском ущелье.

Обращает на себя внимание название речки *Глигва*. Река со схожим названием приводится в работе Вахушти Багратиони – это *Глигвис-цкали*, что значит «глигвийская река». Ее принято ассоциировать с Ассой, но эту реку С. М. Броневский называет Шадгиром и вполне ясно различает глигвов на этой реке и глигвов на речке Глигви «по ту сторону снежного хребта»: «О прочих Кистинских поколениях или обществах, не входящих в Чеченское отделение, нам известны только некоторые именования: *Галгай*, при истоках Шадгира; *Галбы*, у вершины Сунжи; *Глигвы*, на речке Глигве. По показаниям, сии три общества живут у подошвы снежных гор, в непреступных местах...»

[\[61, с. 170\]](#). Автор называет Глигви «речкой», в то время как Асса довольно крупная река. То есть здесь, по всей видимости, имеется ввиду небольшая речка, протекавшая в местности, где обосновались мигрировавшие в Тушетию бацбийцы.

Локализация глигвов на речке Глигви «по ту сторону снежного хребта» и глигвов на р. Шадгир С. М. Броневского совпадает с локализацией округов Кулга и Галгай в работе И. А. Гюльденштедта: «Округ Кулга, или Гданти, находится в горах возле округа Туши... Округ Галгай (по-грузински Галга) находится в верховьях Асая, впадающего в Сунжу» [\[59, с. 239\]](#). Автор, видимо, не обратил внимания на сходство терминов *Кулга* и *Галга*.

Важным свидетельством того, что глигвы на речке Глигва и галгай на реке Шадгир – это разные группы галгаев, является и тот факт, что И. А. Гюльденштедт, первых относит к горным чеченцам, а галгаев в верховьях Ассы – к кистам (ингушам). Дело в том, что в тот период нахские племена, жившие к югу от собственно Чечни авторами того времени из-за географического положения часто причислялись к чеченцам.

Примечательно, что в другом месте своего труда С. М. Броневский пишет: «Чечен, разделляемый на округа: Арахи, Кулга или Дганти, Галгай или Галга, Джанти, Чабрило, Шабет, Чисхрикакер» [\[61, с. 157\]](#). Причем, округ *Кулга* автор помещает примерно в том же районе, где локализует глигвов «по ту сторону снежного хребта», рядом с Анди [\[61, с. 178-179\]](#). То есть *Кулга* или *Дганти* – это бацбийцы и тушины. Остается выяснить как среди чеченских обществ оказался округ Галгай. Возможно, С. М. Броневский здесь под «Галгай» имеет ввиду глигвов «по ту сторону снежного хребта» на речке Глигва в верховьях Алазани, видимо, не подозревая, что это и есть «округ Кулга» в работе И. А. Гюльденштедта. Сведения об округе Кулга автор скопировал у Гюльденштедта, а сведения, которые он приводит о глигвах «по ту сторону хребта», возможно, это результат его полевых исследований. Однако мы склонны считать, что речь идет о тех галгаях, которые, согласно источнику XIX в., во главе с Этагаем Агишпатойским (примерно в конце XVII в.) обосновались в междуречье Аргуна и Фортанги, отвоевав эти земли у ногайцев и кабардинцев [\[24, с. 374\]](#). На левобережье Аргуна Этагай основывает поселение под названием Этагу // Атаги [\[40, с. 243\]](#). Видимо, ко времени, когда С. М. Броневский посетил Северный Кавказ, их уже относили к чеченцам и поэтому автор указал этих галгай среди чеченских обществ.

Таким образом, мы приходим к выводу, что территория Тушетии, куда изначально поселились мигрировавшие из Галгай бацбийцы, называлась *Кулга* // *Гилга*, а речка, протекавшая там, у соседних грузинских племен получила название *Глигва*. Следовательно, на рубеже XVIII-XIX вв. мы имеем два гидронима, содержащие термин *глигви*: один – в Панкисском ущелье; второй – в Ассиновском ущелье. Также существовало два общества за пределами территории современной Ингушетии с названием *Галга* – в верховьях р. Алазань и междуречья Аргуна и Гехи.

Общеингушский характер этнонима «галгай» на плоскости.

Статус этнонима *галгай* как общего названия ингушских племен был перенесен и на плоскость. Например, И. А. Гюльденштедт в 1773 г. писал: «Ингуши говорят на одном языке с чеченцами и тушинами... Они называют себя также *халха*» [\[53, с. 37\]](#).

В конце XVIII века Симон Паллас писал: «На Кавказе живет некий народ... их самоназвание – *ламур*..., другие называют их *галгаями* (в оригинале написано *колгаями* – прим М.А.) или ингушами. Их ближайшими родственниками по языку и крови являются

чеченцы, которые сами себя называют *нахча*» [\[59, с. 278\]](#).

Гюльденштедт и Паллас сообщают, что ингушей *халха* //*колга* называли другие народы. Кто эти «другие народы», если не соседние с ними осетины, грузины, кабардинцы, ногайцы, чеченцы и т.д.? Б. К. Далгат писал: «Ингуши сами себя называют “галгай” или “ламур”... Кумыки и чеченцы также называют их галгаями... Теперь, таким образом, преобладают над прочими русские названия чеченцы и ингуши, и народные – нахчой и галгай» [\[32, с. 42\]](#).

С. М. Броневский в 1823 г. также отмечает, что кистов отдельно (не смешивая их с ингушами) соседние народы называли *галгай* [\[62, с. 179\]](#). При этом автор сообщает, что и остальные ингуши также назывались галгаями [\[62, с. 180\]](#). В другом месте своего труда С.М. Броневский отмечает, что и сами кисты и ингуши называли себя галгаями [\[62, с. 178; 61, с. 153\]](#).

Все ингушские этнотERRиториальные образования, расположенные вдоль рек Камбилиевка, Сунжа, Армхи и Асса, как части одного народа, перечисляются в работе И. А. Гюльденштедта [\[53, с. 242; 62, с. 181\]](#). Н. Ф. Грабовский также писал, что ингуши называют себя *галга* [\[63, с. 2\]](#).

Н. Г. Волкова, ссылаясь на Клапрота, пишет: «В начале XIX в. Большие и Малые Ингуши, по свидетельству Клапрота, включали 25 деревень, в том числе *Галга*, *Ака*, *Беци*, *Ялхор*, *Корби*, *Вушу*, *Голай*, *Ной*, *Гой*, *Цулай*, *Мелер*, *Паланг* и др.» [\[45, с. 160\]](#). О том, что ингуши состояли из разных обществ, отмечал в своей работе У. Лаудаев [\[64, с. 77, 79\]](#).

Интересно, что некий автор под псевдонимом *Галгай*, в начале XX в. писал, что от аула Онгуш название «народа, именующего себя галгай, превратилось вследствие заблуждения русских в название “ингуш”. Это историческое недоразумение должно быть исправлено и народ галгай, должен носить свое собственное имя» [\[44, с. 50\]](#).

В «Истории Ингушетии» говорится, что единственным наименованием ингушских территориальных обществ в исследуемый период было *ломарой*, а этоним *Галгай* был принят в этом качестве после переселения на плоскость [\[15, с. 151\]](#). Мы придерживаемся того же мнения относительно *ломарой*. В корне этого этонима, возможно, стоит слово *лоаме* // *ламе* – «нагорье». Нагорье было домом для предков нахских народов, где они находили надежное укрытие в случаях грозящего им полного уничтожения со стороны более многочисленных вражеских народов. Или же это являлось указанием на коренное происхождение тейпа, т. к. имеет свою родовую гору.

Однако трудно согласиться с выводом авторов «Истории Ингушетии» касательно этонима *Галгай*, учитывая приведенные в настоящей статье данные в пользу общеингушского характера этого названия. То есть этоним *Галгай* не распространился среди ингушских обществ после переселения, а был именно перенесен. По нашему мнению, в XVI-XIX вв. ингуши обозначали себя тремя названиями: *ломарой* // *ламорой* – по месту проживания, *Галгай* – по происхождению, а также *вайнах* – по общности языка и культуры.

Заключение.

Судя по топонимическим данным, приводимым выше, в горных районах Центрального

Кавказа названия, в которых присутствует этноним *Галгай*, встречаются, по крайней мере, от Казбекского массива до верховьев рек Аргун и Алазань. Исходя из этого, а также из других данных, приводимых в настоящей статье, мы приходим к выводу, что в XVI-XVII в. «страна галгаев» в широком смысле занимала пространство от верховьев р. Аргун на востоке и Дарьяльского ущелья на западе включительно (не считая тех территорий, которые заняли галгай во главе с Этагаем между Аргуном и Камбелеевкой [24, с. 374], и территории левобережья Терека, покинутые ингушами в течении XIV-XVIII вв. [45, с. 143; 65, с. 26]). Вместе с тем, вся эта территория в грузинских источниках в исследуемый период называется Кистети, а ее жители – кистами. В более ранний период эта же территория обозначается как «Дзурдзукети», а ее жители называются дзурдзуками. Эта была одна страна и здесь обитал один народ, называвший себя на своем языке *Галгай* // *кхолгай*.

Однако в процессе исторического развития появлялись ответвления, которые давали себе второе наименование (от названия места обитания, или имени предка и т.д.). Далее они делились на тейпы и варьры (гары). При этом не все ответвления сохраняли память о своем галгайском происхождении. С течением времени, некоторые из них постепенно отдаляются от корня и начинают считать себя отдельными племенами. Это естественные процессы в истории формирования современных народов. Вследствие этого в XVI-XIX вв. этноним *Галгай* покрывал не все исторические галгайские общества и племена, а роль общего для них этнонима играл термин *ломарой* // *ламорой*. Но те из них, которые помнили о своем происхождении – образовали современный ингушский народ.

Таким образом, в свете рассмотрения разнообразных исторических свидетельств и полевых материалов, мы приходим к выводу, что термин *Галгай* был общим эндоэтнонимом, по крайней мере, для большей части ингушских обществ, еще до переселения на плоскость. Однако кекеллинские рода стремились стать единоличными носителями этого названия, что вызвало ответную реакцию части ингушских обществ. В конечном итоге последним удалось отстоять свое право называться галгаями.

Библиография

1. Кушева Е. Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией : вторая половина XVI – 30-е годы XVII в. / АН СССР. Ин-т истории. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 371 с.
2. Волкова Н. Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа / АН СССР. Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Москва: Наука, 1973. 208 с.
3. Бердзенешвили Н. А., Дондуа В. Д., Думбадзе М. К., Меликишвили Г. А., Месхиа Ш. А. История Грузии: с древнейших времён до 60-х годов XIX века. Тб.: Изд-во учебно-педагогической литературы, 1962. 254 с.
4. Джанашвили М. Г. Известия грузинских летописей и историков о Северном Кавказе и России // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис: Типография К. П. Козловского, 1897. Т. 22. 206 с.
5. Вахушти Багратиони. История царства Грузинского / Перевод, предисловие, словарь и указатель: Н. Т. Накашидзе. Тб.: Мецниереба, 1976. 340 с.
6. Крупнов Е. И. Средневековая Ингушетия / Ред. В. И. Марковин, Р. М. Мунчаев. М.: Наука, 1971. 211 с.
7. Mayor A. The Amazons: Lives and Legends of Warrior Women across the Ancient World. Princeton: Princeton University Press, 2016. 544 p.
8. Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ (Вестник древней истории). М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1947. № 4. 169–290.
9. ჯავახიშვილი ი. ბეჭედური ე კარის კუნძულის ისტორიაში. ტურქ. 2. მანიულის: სსრ მეცნიერებათა აკადემია-სააკადემიური ფორუმი, 1937. 754 გვ. Javakhishvili, I. (1937). Retrieved from

- https://digitallibrary.tsu.ge/book/2021/sep/books/javashvili_kartuli_2.pdf
10. Чикобава А. С. Введение в иберийско-кавказское языкознание / Пер. с груз.: И. Б. Капанадзе / Тбилисский Гос. Университет им. И. Джавахишвили. Тб.: Универсал, 2010. 342 с.
 11. Klaproth, J. H. Reise in den Kaukasus und nach Georgien unternommen in den Jahren 1807 und 1808, auf Veranstaltung der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften zu St. Petersburg, enthaltend eine vollständige Beschreibung der Kaukasischen Länder und ihrer Bewohner. Halle und Berlin: In den Buchhandlungen des Hallischen Waisenhauses, 1812. Bd. I. 740 s.
 12. Koch Karl. Reise durch Russland nach dem kaukasischen Isthmus in den Jahren 1836, 1837, und 1838. Stuttgart, Tübingen: Druck und Verlag der J. G. Cotta'sche Buchhandlung, 1843. Bd. 2. XII, 560 s.
 13. Wahl O. W. The Land of the Czar. London: Chapman and Hall, 1875. 417 p. Валь О. В. Страна царя (англ.). Лондон: Чепмен и Холл, 1875. 417 с.
 14. Мровели Леонти. Жизнь картлийских царей: Извлеч. сведений об абхазах, народах Сев. Кавказа и Дагестана (Перевод с древнегрузинского, предисловие и комментарии Г. В. Цулая). Москва: Наука. 1979. 105 с.
 15. Долгиева М. Б., Картоев М. М., Кодзоев Н. Д., Матиев Т. Х. История Ингушетии / Отв. ред. Н. Д. Кодзоев. 4-е изд. Ростов-на-Дону: Южный издаательский дом, 2013. 600 с.
 16. Павлова О. С. Ингушский этнос на современном этапе. М.: Форум, 2012. 384 с.
 17. Мартиросиан Г. К. Нагорная Ингушетия // Известия Ингушского научно-исследовательского института краеведения. Владикавказ: Сердало, 1928. Вып. 1. С. 7–154.
 18. Грабовский Н. Ф. Экономический и домашний быт жителей Горского участка Ингушевского округа // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис: Тип. гл. упр. Наместника кавказ., 1870. Вып. 3. С. 1–32.
 19. Вертелов Г. А. Ингуши. Историко-статистический очерк // Туземцы Северного Кавказа. Историко-статистические очерки. Владикавказ: Тип. Обл. Правления Терской области, 1892. Вып. 1. С. 71–138.
 20. Осипов Н. Е. К вопросу истории формирования этносов // Вестник Чувашского университета, 2014. №. 4. С. 59–64.
 21. Далгат Б. К. Первобытная религия чеченцев // Терский сборник. Владикавказ: Тип. Терского областного правления, 1893. Вып. 3. Кн. 2. С. 41–132.
 22. Волкова Н. Г. Бацбийцы Грузии. Советская этнография. № 2. С. 84–89.
 23. Труды Ф. И. Горепекина / Материалы ПФА РАН. / Сост. Албогачиева М. С-Г. Санкт-Петербург – Магас: Ладога, 2006. 212 с.
 24. Тотоев Ф.В. Общественный строй Чечни: вторая половина XVIII в. – 40-е годы XIX века. Нальчик 2009. 374 с.
 25. Ипполитов А. П. Этнографические очерки Аргунского округа // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис: Тип. Гл. упр. наместника Кавказского, 1868. Вып. 1. Отд. III. С. 1–52.
 26. Далгат Б. К. Первобытная религия чеченцев и ингушей / Отв. ред. С.А. Арутюнов. М.: Наука, 2004. 240 с.
 27. Ингушско-русский словарь / Сост. А. С. Куркиев Магас: Сердало, 2004. 544 с.
 28. Шавхелишвили А. И. Из истории взаимоотношений между грузинским и чечено-ингушским народами (С древнейших времен до XV века). Гр.: ЧИКИ, 1963. 128 с.
 29. Вахушти Царевич. География Грузии / Введение, перевод и примечания М.Г. Джанашвили // Записки Кавказского отдела ИРГО. Тифлис: Тип. К. П. Козловского, 1904. Кн. XXIV. Вып. 5. 224 с.
 30. Мальсагов А. У. Галгай фольклор. Гр.: ЧИКИ, 1967. Т. 2. 364 с.

31. Сказки, сказания и предания чеченцев и ингушей / сост. А.О. Мальсагов, И.А. Дахкильгов. Гр.: ЧИКИ. 1986. 528 с.
32. Далгат Б. К. Родовой быт и обычное право чеченцев и ингушей. Исследование и материалы 1892–1894 гг. Москва: Институт мировой литературы имени А.М. Горького РАН (ИМЛИ РАН), 2008. 380 с.
33. Кудаярова М. К. Роль элит в демократической культуре Запада // Дискуссия. 2013. № 1 (31). С. 22–25.
34. Klapproth J. H. Reise in den Kaukasus und nach Georgien unternommen in den Jahren 1807 und 1808, auf Veranstaltung der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften zu St. Petersburg, enthaltend eine vollständige Beschreibung der Kaukasischen Länder und ihrer Bewohner. Vol. 2. Halle und Berlin: In den Buchhandlungen des Hallischen Waisenhauses, 1814. xvi, 625, 288 s.
35. Генко А. Н. Из культурного прошлого ингушей // Записки коллегии востоковедов при Азиатском музее Академии наук СССР / Ред. изд. акад. В. В. Бартольд. Л.: Издательство Академии наук СССР, 1930. Т. V. С. 681–761.
36. Харадзе Р. Л., Робакивзе А. И. К вопросу о нахской этнографии // Кавказский этнографический сборник. Тбилиси: Мецниереба, 1968. Вып. 2. С. 12–40.
37. Берже А. П. Чечня и чеченцы // Кавказский календарь на 1860 г. Тифлис: Типография Управления Наместника кавказского, 1859. Отд. IV. С. 1–141.
38. Попов И. Ичкерия. Историко-топографический очерк // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис: Тип. Гл. упр. наместника Кавказского, 1870. Вып. 4. Отд. 1. Гл. 1. С. 1–23.
39. Далгат У. Б. Героический эпос чеченцев и ингушей. Исследование и тексты / Ред. И. А. Дахкильгов. Москва: Наука, 1972. 469 с.
40. Головинский П. И. Чеченцы / Из записок П. И. Головинского // Сборник сведений о Терской области. / Терск. обл. Стат. ком. / Под ред. Н. Благовещенского. Владикавказ: Тип. Терского областного управления, 1878. Вып. 1. Отд. II. С. 241–261. 387 с.
41. Яковлев Н. Ф. К вопросу об общем наименовании родственных народов // Записки Северо-Кавказского краевого горского НИИ. Ростов н / Д.: [Б. и.], 1928. Т. 1. С. 195–204.
42. Яковлев Н. Ф. Ингуши. Популярный очерк. М.-Л.: Красный пролетарий, 1925. 134 с.
43. Мартиросиан Г. К. Нагорная Ингушетия // Известия Ингушского научно-исследовательского института краеведения. Владикавказ: Сердало, 1928. Вып. 1. С. 7–154.
44. Галгай. О Галгаях. // Кавказский горец / Ред. Цалыкката Ахмед. – Прага: Издание Союза Горцев Кавказа в ЧСР, 1924. № 1. С. 49–50.
45. Волкова Н. Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XX века / Ответ. ред. В. К. Гарданов. АН СССР. Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. М.: Наука, 1974. 276 с.
46. Козьмин В. Махкинан (Фея гор) // Кавказ. 1895. № 98. С. 2–3. Kozmin, V. (1895). Makhkinan (Mountain Fairy). Caucasus, 98, 2–3.
47. Диригов А. А., Мизиев Х. М. Ингушский ДНК-проект // Вестник Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч. Э. Ахриева. 2018. № 2. С. 179–182. Didigov, A. A. & Miziev, H. M. (2018). Ingush DNA Project. In Bulletin of the Ingush Scientific Research Institute of Humanities named after Ch. E. Akhriev, 2, 179–182.
48. Варданянц Л. А. Геотектоника и геосейсмика Дарьля как основная причина катастрофических обвалов Девдоракского и Геналдонского ледников Казбекского массива // Известия Государственного географического общества. Л.: Сектор науки НКП, 1932. Т. 64. Вып. 1. С. 51–60.
49. Варданянц Л. А. Геотектоника и геосейсмика Дарьля как основная причина

- катастрофических обвалов Девдоракского и Геналдонского ледников Казбекского массива // Вестник Владикавказского научного центра. 2003. Т. 3. № 1. С. 38–46.
50. Русско-осетинский словарь: ок. 25000 сл. / Сост. В. И. Абаев, Ред. М. И. Исаев. 2-е изд. М.: СЭ, 1970. 584 с.
51. Дигорско-русский словарь. Русско-дигорский словарь. / Сост. Таказов Ф. М. Владикавказ: Респект 2015. 872 с.
52. РГАДА (Российский государственный архив древних актов), Ф. 259. Оп. 22. Д. 1575.
53. Гильденштедт И. А. Путешествие по Кавказу / Пер. Т. К. Шафрановской. СПб.: Петербургское востоковедение, 2002. 507 с.
54. Белокуров С. А. Сношения России с Кавказом. Материалы, извлеченные из Московского Главного Архива МИД. Вып. 1. 1578–1613 гг. М.: Университетская типография, 1889. 584 с.
55. Зиссерман А. Л. Двадцать пять лет на Кавказе (1842–1867) : в 2-х частях. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1879. Ч. 1. 424 с.
56. Макалатия С. И. Тушети. Историко-этнографический очерк: 2-е изд. Тбилиси: Накадули 1983. 229 с.
57. Цискаров И. Картина Тушетии // Кавказ. 1846. № 50. С. 197–198.
58. Эристов Р. Д. О Тушино-Пшаво-Хевсурском округ // ЗКОИРГО. Тифлис: Тип. Канцелярии Наместника кавказского, 1855. Кн. III. С. 75–146. 315 с.
59. Кавказ. Европейские дневники XIII–XVIII веков. / Сост. В. Аталиков. Нальчик. Изд-во М. и В. Котляровых, 2010. Вып. 3. 305.
60. Атаев М. М. Авария в X–XV вв. Махачкала: Республикаанская газетно-журнальная типография, 1995. 248 с.
61. Броневский С. М. Новевые географические и исторические известия о Кавказе, собранные и пополненные Семеном Броневским: В 2-х ч. М.: Тип. С. Селивановского, 1823. Ч. 2. 491 с.
62. Броневский С. М. Новейший Известия о Кавказе, собранным и пополненный Семеном Броневским: в 2-х томах Т. 1–2 / Сост. И. К. Павловой. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2004. 464 с.
63. Грабовский Н. Ф. Ингуши (их жизнь и обычаи) // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис: Изд. Кавказского горного управления, 1876. Вып. 9. 452 с.
64. Лаудаев У. Чеченское племя // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис: Тип. Главного управления Наместника Кавказского, 1872. Вып. 6. С. 74–105.
65. Ахриев Ч. Э. Ингуши (их предания, верования и поверья) // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис: Тип. главного управления Наместника Кавказского, 1875. Вып. VIII, Отд. I. С. 1–40. – 453 с. URL: <https://www.prlib.ru/item/363882>

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Отзыв на статью «ГІалгІай» – общий эндоэтноним ингушских обществ XVI–XIX вв.: анализ историографических источников»

Предмет исследования обозначен автором в названии статьи и разъяснен в тексте.

Методология исследования. В статье не затронут вопрос методологии, но из текста статьи вытекает, что методологической основой исследования являются принципы научности, системности и историзма. В работе также использованы общеисторические методы: историко-системный, историко-генетический и др.

Актуальность. Рост национального самосознания, который наблюдается в настоящее

время актуализировал вопросы этногенеза народов, истории и культуры этих народов. Автор справедливо отмечает, что история народов Северного Кавказа, в том числе и ингушей не до конца изучена, много вопросов возникает относительно названия этногенеза ингушей, эндоэтнонима ингушей. В последние 30 лет эти темы вызывают повышенный интерес исследователей и как отмечает автор рецензируемой работы «самоназвание народа напрямую связано с этнической идентичностью [...] данный вопрос не теряет своей актуальности, пока существует сам народ». Актуальность темы не вызывает сомнения. Автор ставит своей целью провести дополнительное исследование историографических материалов, чтобы подтвердить мнение о том, что эндоэтноним «Галгай» был общим для ингушских обществ в XVI-XIX веках и внести ясность в вопрос о причинах возникновения версии о локальном характере этого обозначения. Научная новизна определяется постановкой проблемы и задач исследования. Научная новизна также обусловлена тем, что в статье проведено комплексное историографическое изучение в комплексном историографическом исследовании истории изучения исследуемой темы.

Стиль, структура, содержание. Стиль статьи в целом можно отнести к научному с элементами описательности, что в работе такого рода оправданно. Статья читается легко, и она будет доступна и понятна не только специалистам, но и широкому кругу читателей. Структура работы хорошо выстроена и направлена на достижение цели и задач исследования. Структура состоит из следующих разделов: Введение; Значение терминов «Галгайче» и «Галгай Можк»; Первые среди равных; Общеингушский характер этнонима Галгай; Эпонимный предок Галга; Колкания; Бацбийцы – галгай; Общеингушский характер этнонима «галгай» на плоскости; Заключение. Во введении раскрывается актуальность темы, цели и задачи статьи, хронологические рамки, отмечаются источники, которые автор использовал при работе над статьей. В других разделах автор раскрывает значение некоторых терминов, дает анализ фольклорных данных, анализирует работы исследователей, которые писали о ингушских племенах и какие термины они использовали и в каком контексте употребляли, в какое время, отмечает также роль пространства (в период проживания различных ингушских племен в горах или после (приводит аргументы в пользу общеингушского характера эндоэтнонима галгай, опираясь на работы предшественников, топонимику, фольклорные данные, а также на свой анализ различных источников в исследуемый хронологический период. В заключении статьи автор приводит к обоснованным выводам и отмечает, какую территорию в средние века занимали ингуши и как эту территория обозначалась в источниках (в частности, в грузинских). Главный вывод автора заключается в том, «что термин Галгай был общим эндоэтнонимом [...], для большей части ингушских обществ, еще до переселения на плоскость [...] кекеллинские рода стремились стать единоличными носителями этого названия, что вызвало ответную реакцию части ингушских обществ [...], которым удалось отстоять свое право называться галгаями». Текст статьи логичен и последовательно изложен. В тексте статьи приведены много информации, а некоторые рассуждения автора могут вызвать дискуссию среди специалистов.

Библиография работы состоит из 65 источников (это работы исследователей по теме исследования и смежным темам, заметки путешественников, которые посетили Кавказ, словари и др. литература). Библиография в полной мере соответствует исследуемой теме и оформлена грамотно.

Апелляция к оппонентам представлена на уровне полученной информации в ходе работы над исследуемой темой и библиографии.

Выводы, интерес читательской аудитории. Статья будет интересна специалистам и широкому кругу читателей.

